

Где видим пустоту, туда и идем

«Московский Комсомолец», 01.12.2008

Анастасия Арефьева

Генеральный директор Останкинского мясоперерабатывающего комбината Михаил Попов считает, что нехватка питания нам не грозит, однако у отрасли еще немало проблем.

- Обоснованы ли опасения, что миру грозит продовольственный кризис?

- Я считаю, что нынешнее положение с ценами и с нехваткой продовольствия вызвано ростом цен на нефть, следствием чего стало увеличение переработки зерновых в биотопливо. Однако реальная ситуация такова, что объем производства продуктов будет наращиваться и в ближайшее время вполне возможно некоторое снижение цен на продукты питания. Так было во все времена: на спрос всегда находится предложение. Никакого продовольственного кризиса, то есть нехватки питания в значительном масштабе, не произойдет ни в России, ни в других странах.

- Реальны ли амбициозные планы некоторых наших чиновников превратить страну в экспортера мясных продуктов?

- Намерения нереальные. Мы можем продавать мясную продукцию на Запад, но нам просто не дадут ее экспортировать, не примут в других странах. По политическим вопросам, связанным с регулированием рынка в Европе, например. Да и вообще весь нероссийский рынок будет крайне нелоялен к нашему мясу.

- Как изменятся позиции России в этой отрасли при вступлении в ВТО?

- Для того чтобы экспортировать, России сначала нужно суметь снизить цены на производимое сырье почти вдвое по отношению к европейскому. Скажем, стоимость свинины у нас в два раза выше, чем в Германии. Это вторая причина, по которой мы пока не можем выступать в роли экспортера мясопродуктов. Не только теоретически, но и реально это возможно, но для этого эффективным должно стать сельское хозяйство. А это очень сложно. Это новые технологии, новая кормовая база, там все по-другому.

- В России тоже зерновые идут на биотопливо?

- Нет, у нас пока таких мощностей нет. Лидирует здесь Бразилия, часть зерновых она пускает на этиловый спирт. Естественно, корма для свиней стали дороже. Соответственно свинина подорожала, экспортная ее цена также. Россия вынуждена была отказаться от этого высококачественного мяса, стала приобретать его больше в Европе, которая напрямую у Бразилии не покупает из-за политических обстоятельств.

- Какая доля мясных продуктов приходится на импорт?

- Доля продуктов мясопереработки незначительна, а вот мяса ввозится 30-40%. Однако есть тенденция сокращения импорта и роста российского производства на фоне — что важно — роста потребления. Правда, хотя доля импорта

уменьшается, объем его увеличивается, по оценкам нашей компании, на 8-10% в год.

- Какие технологии, чье оборудование использует «Останкино» в переработке?

- Технологии, рецептура придуманы и опробованы много лет назад, еще в советские времена. Каких-то инноваций в последнее время не появилось. Из нового — только виды упаковок. А вот что касается техники, мы полностью перешли на импорт. Более качественное оборудование закупаем в Германии, Италии.

- Оно требует импортного сырья?

- Нет. Главное, чтобы в партии было мясо одинакового качества, постности.

- Интересно, отличается ваш мясоперерабатывающий комбинат, скажем, от европейских?

- Новые цеха — ничуть. То же самое или даже лучше, потому что у нас реконструкция завершилась недавно. У нас была возможность покупать новое оборудование. Самое старое — образца 2000 года.

- А что в перспективе?

- Мы расширяемся во все стороны, куда нас пускают конкуренты. Где видим пустоту, туда и идем.

- Вы возглавляете компанию в течение десяти лет, вот уже больше года, как «Останкино» является явным лидером. Наверное, вам известна формула успеха?

- Рецепт прост. Все зависит от того, какие усилия прикладываются в области продаж, если они правильные, продажи есть. Процентом 80 нашего успеха находится именно в области правильной политики продаж. Это филиальная сеть, она у нас обширная: Курск, Белгород, Смоленск, Тверь, Кострома. Это и отношения с клиентами, ценовые и качественные параметры: куда продавать и что продавать.

- Какую долю рынка вам удалось охватить?

- В России и в московском регионе мы продаем больше всех, на первом месте по объему продаж. В нынешнем году этот показатель только по продукции мясопереработки составит около 700 млн. долларов. Что касается доли российского рынка в абсолютном выражении, точный объем его неизвестен. Встретить качественные, объективные исследования в этой области как-то не удастся. Впрочем, доля рынка как таковая меня не интересует. Куда важнее доля рынка там, где мы продаем. Наша продукция преимущественно идет в московском регионе, и здесь она составляет около 15-18%.

- Чем руководствуетесь, планируя деятельность?

- Ожиданием потребителя, анализом рынка, какими-то собственными идеями, состоянием дел конкурентов, их новинками, ценовыми предложениями. Одним словом, в постоянном поиске.

- По разным причинам глава Роспотребнадзора Геннадий Онищенко перекрывает каналы получения мяса той или иной страны. Как это сказывается на деятельности компании?

- Часто приходится переключаться на новые источники. Условно говоря, если закроют все, мясо не исчезнет. Просто цена вырастет так, что потреблять мясные продукты будут меньше. Непонятно, правда, как все это сочетается с борьбой с инфляцией и поддержкой производителя. Российская свинья может вырасти года через два, цикл при выращивании телят гораздо больше... За год цена на мясо выросла на 50%.

- Мы начинаем соответствовать ценам Евросоюза?

- У нас цены в два раза выше именно потому, что нет сырья. Ему и неоткуда взяться. Наше животноводство развивается значительно медленнее, чем происходит рост потребления. Стране нужно больше мяса. Раньше мы потребляли значительно меньше, чуть ли не в два раза. В любом случае увеличение цен невольно на руку конкурентам. Да и кто компенсирует потери тому же самому пенсионеру? В общем, все это оттого, что у нас нет реальной политики в области сельского хозяйства.

- А в чем она должна заключаться?

- Нужно поддерживать уровень цен, который бы стимулировал эффективные хозяйства расширять производство. Мясо — не биржевой товар, здесь нет свободного рынка в истинном смысле этого слова, когда все определяется спросом и предложением. Он очень политизирован во всех странах. Везде (и в Америке, и в Европе) мясо является предметом политики. Везде существуют явные и скрытые дотации. И Россия участвует в этом процессе: системы квотирования, системы ветеринарных запретов... Она нормально в этом участвует. Просто уровень воздействия на рынок чрезвычайно глобален. Полгода назад была такая цена на птицу, что птицеводам было невыгодно работать. Они работали в ноль. Почему? Как такое могло произойти?